

Не говори так, брат.

Ты ведёшь себя ещё большим злодеем, чем я.

Ли Чанси беспомощно усмехнулся:

— Что ты такое говоришь, неужели я к тебе плохо отношусь?

Ли Чжэнъин легко улыбнулся:

— Хорошо, конечно всё хорошо.

У того были грандиозные амбиции, его целью было покорить звёздное море. А Нин Уи желал лишь быть хорошей женой — эти двое чёрт возьми действительно идеальная пара.

Ли Чанси изначально не хотел в это ввязываться, но вспомнил те девичьи романы, которые читал раньше: там главный герой-супруг после перемещения во времени ничего не предпринимал, из-за чего оригинальный сюжет отклонялся, и в итоге вся история летела к чертям.

Если он не возьмёт Нин Уи с собой на банкет и публично не высмеет Ли Чжэнъина, то, пожалуй, у этой истории не будет продолжения.

Ради будущего Нин Уи ему всё же стоило туда отправиться.

В конце концов, ему нужно было свести этих двоих.

— Я приду. Раз уж это свадебный пир моего отца, я, конечно, появлюсь.

Ли Чанси впервые сталкивался с подобным. В своём прежнем мире он вышел из самых низов и не принадлежал к истинной влиятельной семье.

Присутствовать на свадьбе своего отца, которому уже перевалило за пятьдесят, и любовницы, что двадцать лет терпела унижения, — это всё же было для него слегка шокирующе.

Неудивительно, что у прежнего владельца тела была столь расшатанная психика — оказывается, всё это семейство было с придурью.

Он открыл пригласительный билет. Отец, судя по всему, знал, что он станет устраивать скандал, поэтому даже не утруждал себя уведомлением о свадьбе и просто исключил его из списка гостей.

В оригинальном романе биологическая мать Ли Чжэнъина действительно выжидала целых двадцать лет, прежде чем занять своё место.

Нин Уи вошёл в кабинет с охапкой книг.

— Я всё прочитал.

Ли Чанси пришёл в себя и с улыбкой произнёс:

— Ну как впечатления? Понял какую-нибудь истину?

Нин Уи кивнул:

— Эти книги произвели на меня глубокое впечатление, я написал отзыв на десять тысяч слов.

Прекрасно, главный герой наконец-то осознал, что феодальный мусор должен быть уничтожен!

Ли Чанси испытал умиление, какое чувствует родитель, чей ребёнок наконец вырос. С улыбкой приняв отчёт, он бегло просмотрел его, и его лицо мгновенно помрачнело:

— Что ещё за «три взгляда» перекошены в подобных книгах, и почему они не подходят для распространения на рынке?

Выражение лица Нин Уи оставалось холодным и отстранённым:

— Все случаи в этих книгах порочны, у автора превратные ценности. Замужняя женщина вечно норовит выставить себя напоказ перед людьми — неудивительно, что в конце концов она приходит к разводу.

Ли Чанси даже остолбенел.

В романе омега после замужества за альфой оказывается заперт дома со стиркой и готовкой. Омега пробуждает своё сознание, усердно учится, совершенствуется, в конце концов получает прекрасную работу, его зарплата превышает заработок альфы, и он одним ударом вышвыривает вон альфу, который вечно избивал и бранил его, навстречу новой жизни.

Кто на такое посмотрит и не назовёт это вдохновляющим?

Но в глазах Нин Уи это превратилось в позор?

До какой же степени этого человека промыли мозги!

Переведя дыхание, он кое-как пришёл в себя после причудливых извилин в мыслительном процессе главного героя:

— По-твоему, их выход на работу — это причина развода?

Нин Уи ответил:

— Не только. А ещё то, что они недостаточно уважают своих мужей и ведут себя с ними слишком грубо — так что их изгнание было лишь вопросом времени.

— ...

Ли Чанси поднял руку и потрогал лоб Нин Уи:

— Ты вроде и не горишь...

Нин Уи опустил взгляд:

— Не переживай, я не стану такими, как они. Глубинный смысл этой книги, что ты мне дал, я уже постиг и точно не разочарую тебя.

Он помедлил и добавил:

— Я уже везде оставил жалобы на это издательство, такие крамольные книги непременно должны полностью исчезнуть.

Я ведь просто хотел, чтобы ты стал хорошим юношей новой эпохи!

Я же не просил тебя напрямую громить мысли нового поколения!

Ли Чанси едва не задохнулся от смеха и яростно стукнул Нин Уи по лбу:

— Ты вынес из книги только это? О чём вообще думает твоя голова?

Нин Уи не понимал, за что его ударили:

— Но они же смеют пререкаться с мужьями, в таких случаях их следовало бы засунуть в

свинные клетки и утопить в пруду...

Ли Чанси понял, что от полного отупения действительно хочется смеяться:

— Если брак устроен именно так, зачем вообще нужен брак?

Нин Уи слегка растерялся:

— Но ведь...

Ли Чанси видел, что объяснять ему что-либо бесполезно, и вместо слов решил доказать всё на практике:

— Завтра свадьба моего отца, я беру тебя с собой на банкет.

Нин Уи замер:

— Свадьба уважаемого тестя?

Ли Чанси ответил:

— Верно, он женится завтра.

Он, кажется, ещё не рассказывал Нин Уи о положении дел в семье, поэтому решил выложить всё сразу:

— Моя мать умерла, когда мне было шесть лет. Говорят, отец довёл её до смерти. Ли Чжэнъин младше меня на восемь лет, ему сейчас двадцать. Его родила омега, которую отец содержал на стороне после смерти моей матери.

— Мой дед не признавал ни его, ни ту женщину. Только после смерти деда отец привёл Ли Чжэнъина в дом.

Ли Чанси слегка изогнул губы в улыбке и принялся продвигать сюжет:

— Поэтому мы с Ли Чжэнъином заклятые враги, а незаконнорожденных детей я терпеть не могу.

Глава 19. Пятидесятилетний старик женится на красавице

Он сказал, что ненавидит внебрачных детей.

Зрачки Нин Уи слегка затрепетали. Будучи побочным сыном сам, он тоже не мог поднять голову и вечно терзал себя несправедливостью своего рождения.

Ли Чанси продолжил наносить удары:

— Незаконнорожденный есть незаконнорожденный, рождение его грязно, и всю жизнь он останется грязным. Скажи, разве Ли Чжэнъин не похож на вора?

Он упорно смотрел в чёрные глаза Нин Уи, вонзая лезвие за лезвием, и при этом не переставал улыбаться:

— Он украл любовь моих близких к моим предкам, украл моё наследство, украл у меня всё.

— И после этого требует, чтобы я делал вид, будто обладаю широкой душой, простил его и жил с ним в мире и согласии, даже когда мне хочется разорвать его на тысячу кусочков; я должен пожимать ему руку и говорить: ты мой хороший младший брат.

Дойдя до этого места, Ли Чанси насмешливо фыркнул:

— Незаконнорожденные... Все они та еще дрянь, прямо как пиявки, сосущие кровь. Стоит с таким столкнуться, как от отвращения начинает тошнить.

Внешне Нин Уи считался самым младшим ребёнком в семье Нин, но любой, кто обладал хоть малейшей властью, знал, что он тоже побочный сын и его единственная ценность после возвращения в семью — это заключение брачного союза.

В таких семьях, как семья Нин, где придавали колоссальное значение этикету, долгу и чести, внебрачные дети были не лучше крыс: любой мог ударить его, любой мог обругать, а если он пытался сопротивляться, его подвергали электрическому шоку и промыванию мозгов.

Он думал, что, выбравшись из клана Нин, сможет избавиться от клейма бастарда.

Как же он наивен.

Пальцы Нин Уи впились в ладони, а голос звучал ровно, без каких-либо эмоций:

— Раз он незаконнорожденный, у него, естественно, нет права состязаться с тобой. Он недостоин стоять с тобой на равных.

Я тоже недостоин.

Посчитав, что стимул подействовал должным образом, Ли Чанси прикинул, что теперь от главных героев требуется лишь проникнуться друг к другу жалостью.

Любите друг друга сколько душе угодно, а мы, пушечное мясо — лишь ступени для вашей любви!

Ли Чанси слегка усмехнулся:

— Так ты его ненавидишь?

Нин Уи кивнул:

— Ненавижу его.

Ли Чанси подумал про себя: нет, так не пойдёт. Врагами врагами, но Нин Уи ни в коем случае нельзя ненавидеть Ли Чжэнъина. Он слегка кашлянул:

— Хотя к этому парню я и впрямь отношусь без особой симпатии, но способности у него сильные...

— При чём тут его способности и моя к нему ненависть? — тихо произнул Нин Уи. — Кого ненавидишь ты, того ненавидеть буду и я.

Прямо как два школьника, сколачивающих банды.

— Последний раз, когда я вёл подобные разговоры, был в начальной школе, — сказал Ли Чанси. — Один мальчишка поссорился со мной, я сказал, что ненавижу его, он ответил, что тоже ненавидит меня, и мы битый час ругались друг с другом, собирали вокруг себя шайки и гонялись друг за другом полсеместра, поливая бранью.

Нин Уи даже не задумываясь изрёк:

— Это наверняка он был во всём виноват.

Ли Чанси подумал: вообще-то, это просто ссорились два ребёнка.

— Я тоже ругался. Почему я не виноват?

— Ты точно не был виноват.

— Я же тоже сквернословил, почему это я не виноват?

— Ты по определению не мог быть неправ.

Ли Чанси вздохнул:

— Почему ты вечно меня выгораживаешь?

— Разве я не должен тебя защищать? — с искренним недоумением спросил Нин Уи. — В этом мире человек, которого я должен защищать больше всех — это ты.

Ли Чанси на мгновение потерял дар речи. Ну в какой защите он нуждался?

По сравнению с ним, Нин Уи — не имеющий ни денег, ни власти наивный глупышка — был как раз тем, кого требовалось защищать.

— Хорошо, спасибо, что защищаешь меня, — Ли Чанси не стал портить момент и подыграл ему: — Тогда и впредь защищай меня.

Только не вздумай после того, как почернееешь душой, палить по мне из всех орудий.

Взгляд прозрачных зрачков Нин Уи был чист, он поджал губы и слабо улыбнулся:

— Угу. Хорошо.

...

Банкет устроили на острове, где семья Нин выстроила виллу.

В своё время погоня Ли Тинъи за первой любовью наделала немало шуму: он силой отнял чужую невесту, сотворив в высшем свете красивую легенду. Однако стоило первой любви скончаться всего через несколько дней, как в его дверях объявилась любовница с ребёнком на руках, и романтическая легенда мгновенно превратилась в фарс.

Поскольку дело касалось женщины, возвысившейся из любовниц, все в кругу прекрасно это понимали, поэтому свадебный пир сделали скромным, пригласив лишь узкий круг лиц и даже не позвав прессу. Скорее это походило на жест утешения, преподнесённый Ли Тинъи своей вынесшей столько лишений возлюбленной.

Стоило Ли Чанси переступить порог, как он ощутил на себе бесчисленные взгляды.

Незаконнорожденный стал любимчиком в глазах Ли Тинъи.

Сын законной жены оказался отвергнут и изгнан.

В этих взглядах читались и насмешка, и жалость, но Ли Чанси было наплевать, ведь он — не прежний владелец тела. Никакие действия этих людей не могли причинить ему вреда, да и к этому семейству он изначально не испытывал никаких чувств.

Он проигнорировал все устремленные на него взоры и пошёл рядом с Нин Уи.

— Я думал, он не придёт...

— Зачем ему заявляться? Разве его не выгнали?

— Вряд ли прямо выгнали... Просто заставили уйти из совета директоров.

— Такую прекрасную раздачу карт умудрился слить вчистую...

Окружающие перешёптывались, но Ли Чанси сохранял железное спокойствие, ничуть не поддаваясь их влиянию.

Ли Тинъи быстро заметил его появление и нахмурился. Он слишком хорошо знал этого сына: импульсивный, устраивающий истерики где попало.

Не желая скандалить на глазах у гостей, Ли Тинъи смягчил лицо:

— Чанси, иди сюда.

Ли Чанси уже собирался шагнуть вперёд, но Нин Уи ухватил его за полу одежды.

— Что такое?

Нин Уи помедлил — до него тоже дошло немало уличных слухов, и он знал, что Ли Чанси нрава переменчивого:

— ...Ты не будешь с ними ругаться?

Чего ради ему ругаться?

Он же взрослый человек, неужели элементарной показной вежливости не знает?

<http://bllate.org/book/25521/3044839>